

forum/d-n-kopelev-razdel-okeana-v-xvi-xviii-vekakh-istoki-i-evoliutsiya-piratstva.html. Дата обращения: 21. 10. 2014.

¹³ Дуров В. Американский адмирал русского флота // Столетие. URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/amerikanski_admiral_russkogo_flota.htm.

ruskogo_flota.htm. Дата обращения: 28. 10. 2014; Дубин А.С. Адмирал российского флота Поль Джонс // История Петербурга. 2011. № 2. С. 13–19; Коршунов Ю.Л. Когда океан соединяет. СПб., 2012.

¹⁴ Российские флотилии... С. 215.

Александр Феребов

Рец. на: А.М. Феофанов. Студенты Московского университета второй половины XVIII – первой четверти XIX века: Биобиблиографический словарь. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. 478 с.

Alexander Ferebov

(State Historical-cultural Museum-preserve «The Moscow Kremlin», Russia)

Rec. ad op.: A.M. Feofanov. Studenty Moskovskogo universiteta vtoroi poloviny XVIII – pervoi chetverti XIX veka: Biobibliograficheskiy slovar'. Moscow, 2013

К 100-летию основания Московского университета должны были выйти два биографических справочника – об учивших и учившихся в его стенах. «Биографический словарь профессоров и преподавателей» увидел свет в 1855 г.¹ Питомцам повезло меньше: незаконченное издание содержит лишь 18 биографий студентов, слушавших курс в 1756–1760 гг.² Подготовленный А.М. Феофановым новый биобиблиографический словарь во многом восполняет возникший пробел. Конечно, в нём нет развёрнутых жизнеописаний, занимающих несколько страниц и включающих обширные цитаты и полулегендарные анекдоты. Напротив, сведения, приводимые автором, лаконичны. Он сообщает годы жизни, сословное происхождение, полученное перед зачислением образование, факультет, на который поступал данный студент, наличие наград за успехи в учёбе, вехи дальнейшей карьеры, принадлежность к масонским ложам и тайным обществам. Особенности быта и культурные интересы затронуты слабо.

Во «Введении» Феофанов подробно характеризует изученные им источники (дела из различных фондов РГАДА, РГИА, РГВИА, АВПРИ, ЦИАМ (ЦГА Москвы),

Отдела редкой книги Научной библиотеки МГУ, многочисленные биографические словари и справочники, родословные книги и сборники). Издание состоит из двух разделов, посвящённых учащимся 1755–1817 и 1817–1825 гг. соответственно. «В основу первой части, – отмечает автор, – были положены списки студентов, публиковавшиеся в “Московских ведомостях”, а в основу второй – личные дела студентов Московского университета, сохранившиеся в ЦИАМ. В первой части даны собственно биографические справки, во второй – указатель дел ЦИАМ с данными о времени поступления студентов в университет и увольнения из него. В биографических справках первой, как правило, даётся ссылка на “Московские ведомости”, потом на архивные материалы, другие источники и литературу» (с. 12). Список сокращений и общий именной указатель существенно облегчают работу с книгой.

Особенно интересен первый раздел словаря, содержащий более обстоятельные сведения о студентах. К тому же в нём представлена информация о периоде до 1812 г. – самом малообеспеченном источниками в истории Московского университета. Полнота перечня студентов

1755–1817 гг. зависела от решения автором вопроса об учёте тех учащихся, студенческий статус которых в историографии остаётся дискуссионным. Прежде всего, это касалось «студентов-пансионеров» Благородного пансиона при Московском университете. В 1803–1808 гг. его воспитанники, переведённые на торжественном акте в высшие классы, получали также право посещать университетские лекции и в дальнейшем числились в пансионе как «студенты-пансионеры». Ранее Феофанов не учитывал их при подсчёте поступлений в университет, хотя и допускал единичные случаи производства пансионеров в студенты³. В словаре им упомянуты, видимо, все «студенты-пансионеры» 1803–1808 гг. (с. 17, 22, 23, 29, 33, 40, 42–43, 47, 57 и др.), что существенно увеличило репрезентативность собранных данных⁴.

Сложнее обстоит дело с положением учащихся из податных сословий. Согласно последовавшему 16 марта 1814 г. распоряжению министра народного просвещения, при приёме в университеты их следовало именовать не «студентами», а «вольными слушателями». Феофанов отрицает необходимость включения этой категории в общее число студентов, ссылаясь на терминологическое расхождение и необходимость исключения их Правительствующим Сенатом из оклада после окончания полного курса обучения для выдачи им аттестатов⁵. Однако исследователи нередко обоснованно причисляли эту группу к студенчеству⁶. К примеру, А.И. Полежаев, являвшийся незаконнорожденным сыном помещика и с младенчества причисленный к мещанскому обществу Саранска, в 1820 г. был принят в Московский университет «вольным слушателем», увольнялся из него и снова возвращался, посещал лекции, пропускал экзамены и, наконец, в 1826 г. выдержал итоговые испытания, став «действительным студентом» ровно на тех же основаниях, что и любой его современник-дворянин, считавшийся в учебных ведомостях «студентом»⁷. Последующее ожидание сенатского указа об исключении из податного состояния отодвигало момент формального приобретения Полежаевым определённых служебных прав. Однако оно никак не влияло на его, мещанина, право на поступление в

университет и юридические взаимоотношения «вольного слушателя» с университетским начальством и окружающим обществом. Количество студентов податных сословий, именовавшихся «вольными слушателями» и только поэтому не попавших в словарь, остаётся неизвестным⁸. Это, безусловно, влияет на представления о социальном портрете московского студенчества 1814–1825 гг.

Весьма важно, что в словаре сословное происхождение студентов указано в том виде, как оно зафиксировано в источниках. Отнесение конкретных формулировок документов к группе «дворян» или «разночинцев» в справочном издании могло бы оказаться преждевременным. Объём необходимых поисковых работ и особенности источниковой базы делают неизбежной разную степень подробности биографических данных о тех или иных лицах. Наиболее полно представлены сведения о месте предварительного обучения. Интересны и наблюдения автора, касающиеся дальнейшей карьеры выпускников университета.

В то же время у словаря есть и существенные недостатки, которые могут создать препятствия при его использовании исследователями. Особенно остро ощущаются отступления от единообразной фиксации данных и отсутствие единого подхода к определению времени приёма в университет. «Московские ведомости», положенные в основу первой части справочника, сообщали о производстве юношей в студенты один раз в год, обычно летом, иногда осенью. В списки включали тех, кого зачисляли в университет в течение года после предыдущей публикации, например, между летом 1798 и летом 1799 г. Соответственно, при указании года поступления в университет у тех, кто попал в список 1799 г., может стоять как 1798, так и 1799 г. В словаре в ряде случаев даты приведены по публикациям в «Московских ведомостях», даже когда известно, что человек стал студентом в течение второго полугодия предыдущего календарного года, а в других – по более точным архивным источникам, хотя тут же, в библиографии, указан и номер «Московских ведомостей» за следующий год. Так, в соответствии с архивным делом,

А.И. Филиппов фигурирует как «своекоштный студент словесного отделения с сентября 1814», хотя его имя появилось в «Московских ведомостях» только в 1815 г. (с. 309)⁹. В свою очередь, о Н. Суворове, также включённом в список 1815 г., сказано, что он «в 1815 произведён в студенты», несмотря на его фактическое зачисление в университет ещё в 1814 г. (с. 286)¹⁰. Всё это способно запутать тех, кто будет обращаться к справочнику, не зная особенностей источников по истории студенчества, и может привести к ошибкам при статистическом анализе данных словаря.

Непоследовательность заметна и в упоминаниях о повторном поступлении в университет (хотя оно и отражается в приведённой библиографии). Об этом написано в справках о М.И. Дурново (с. 96)¹¹, К.П. Левшине (с. 158), Н.М. Рябове (с. 254), а в случаях Х.Д. Гиэрта и Н.Ф. Соколова известно даже о троекратном зачислении в студенты (с. 70, 276)¹². Однако почему-то не сказано о вторичном приёме в университет В.В. Беликова (с. 30), кн. А.А. Волконского (с. 60), А.М. Жихарева (с. 102), И.И. Захарова (с. 106), П.А. Масленникова (с. 177), И.Д. Писарева (с. 216–217), Н.А. Терехова (с. 292), А.Н. Трубникова (с. 303) и И.Г. Черницкого (с. 324). Согласно «Московским ведомостям», на которые тут же ссылается автор, они поступили в университет в 1810–1812 гг., но далее указаны связанные с ними архивные дела «Об определении в число студентов», датированные «1813» или «1814» гг.¹³ О том же, что это дела именно о вторичном зачислении, нигде не упомянуто. Путаница в подобного рода деталях может исказить представление не только о ходе обучения юноши и перипетиях его житейских обстоятельств, но и о факторах, определявших формирование студенческого состава Московского университета в тот или иной период (в данном случае – о влиянии на него Отечественной войны 1812 г.). Некоторое недоумение вызывает и включение в списки учившихся, без каких-либо пояснений, лиц, получивших в Московском университете учёную степень, в тех случаях, когда об их обучении и студенчестве ничего не сказано (например, о Я. Евреинове (с. 98) и Ф. Реми (с. 241)). Таким об-

разом, сведения словаря нередко требуют повторной проверки.

Вместе с тем нельзя не отметить огромный объём работы, проделанной А.М. Феофановым. Материалы созданного им справочника, безусловно, будут востребованы не только при изучении университетского образования, но и при исследовании истории российского чиновничества.

Примечания

¹ Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета, за истекающее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку. Ч. 1–2. М., 1855.

² Подробнее см.: *Кауфман И.М.* Русские биографические и биобиблиографические словари. М., 1955. С. 253–254.

³ *Феофанов А.М.* Студенчество Московского университета XVIII – первой четверти XIX века. М., 2011. С. 36–37, 74–75. Подробнее см.: *Феребов А.Н.* Причины увеличения притока студентов в Московский университет в 1803–1809 годах // *Российская история*. 2013. № 2. С. 114–115.

⁴ В 1803–1808 гг. «студентами-пансионерами» стали 172 человека, что было немало, если учесть, что всего в университете в 1755–1817 гг. обучалось чуть более 2 тыс. человек. См.: «Московские ведомости». 1803. № 103; 1804. № 103; 1805. № 103; 1806. № 103; 1807. № 103; 1808. № 104.

⁵ *Феофанов А.М.* Указ. соч. С. 68.

⁶ *Насонкина Л.И.* Московский университет после восстания декабристов. М., 1972. С. 128–130; *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. М., 2002. Т. 1. С. 60; Т. 2. С. 216–217, 243, 264, 661.

⁷ *Попов Н.А.* Новые сведения о Полежаеве // *Русский архив*. 1881. Кн. 2. № 2. С. 471–474; «Московские ведомости». 1825. № 55; 1826. № 63.

⁸ В словаре упомянут лишь один «вольный слушатель» – П.К. Львов, который был произведён в студенты университета в 1808 г., но затем «переименован из студентов вольным слушателем как состоящий в подушном окладе на основании постановления министра народного просвещения от 16 марта 1814». Окончив

полный курс в мае 1814 г, он «получил аттестат (10.12.1815), в котором назван студентом» (с. 167).

⁹ Подобным образом составлены справки о А.А. Владиславлеве (с. 57), Е.Н. и Н.Н. Воронцовых-Вельяминовых (с. 61–62), В.А. Карцеве (с. 124), А.М. Крицком (с. 143), М.А., Н.А. и П.А. Кудрявых (с. 148), А.А. Орлове (с. 203), М.Г. Осташеве (с. 205).

¹⁰ См. аналогичные записи о В.Д. Болтине, согласно архивному делу зачисленному в

1814 г. (с. 36), М.К. Гульковском (с. 81–82), М.И. Дурново (с.96), Г.Ф. Савиче (с. 255).

¹¹ Причём его второе зачисление произошло не в 1815 г., как указано в словаре, а в 1814 г.

¹² В словаре указаны только архивные дела, но имя Н. Соколова встречается и в «Московских ведомостях» (1814. № 57).

¹³ При этом «Московские ведомости» дважды сообщали о производстве в студенты В. Беликова – в 1810 г. (№ 54) и в 1814 г. (№ 57; в словаре ошибочно указан № 56).

Ольга Ерохина

Рец. на: А.А. Орлов. «Школы для всех». Ланкастерская система обучения в России в первой четверти XIX века (1814–1826 гг.). М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2014. 200 с., ил.

Olga Erokhina

(Moscow State Pedagogical University, Russia)

Rec. ad op.: A.A. Orlov. «Shkoly dlia vseh». Lankasterskaia systema obucheniia v Rossii v pervoi chetverti XIX veka (1814–1826 gg.). Moscow, 2014

Во второй половине XVIII в. в мире значительно возросло могущество Англии, базировавшееся на её выдающихся достижениях в промышленной, сельскохозяйственной, научной и культурной сферах. Тогда многие европейские державы охватило увлечение «туманным Альбионом» (англomania) и в национальные культуры начали проникать «английские элементы». Не стала исключением и Российская империя: в конце XVIII – начале XIX в. усилился интерес дворянства ко всему английскому – быту, литературе, политическим учреждениям, экономическим теориям и т.д.

В начале XIX в. в России стал распространяться один из передовых английских методов образования – белл-ланкастерская система обучения, получившая своё название по имени Джозефа Ланкастера (Joseph Lancaster) – английского педагога, который бесплатно учил бедных детей в Англии, Латинской Америке, США и разработал одну из самых прогрессивных педагогических технологий. Чаще всего её именуют «системой взаимного обучения»,

поскольку с помощью взаимного наставления старшими школьниками младших она должна была способствовать быстрому распространению элементарных знаний в народной среде. И в России, где интерес к новациям в области образования возрос ещё в конце XVIII в., результаты применения ланкастерской системы оказались довольно успешными.

Тематическое многообразие публикаций последних лет свидетельствует о неослабевающем интересе отечественных исследователей к проблеме становления и развития системы образования в Российской империи. Среди изучаемых вопросов – не только деятельность церковно-приходских школ, реальных и ремесленных училищ, но и внедрение в стране ланкастерского метода обучения. Посвящённых ему научных работ до сегодняшнего дня вышло не так много, в их числе статьи последних лет доктора исторических наук, профессора кафедры зарубежной истории Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова А.А. Орлова¹.